

ПРОЛОГ

Зал библиотеки слегка покачивался: волнующееся море раскачивало корабль, вставший на якорь в нескольких морских милях от порта Кальяри. Волны обрушивали на борт глухие удары, будто желая разбудить спящих пассажиров, чтобы они осознали тот ужас, который только что здесь произошел.

Колеблющиеся огоньки масляных ламп отбрасывали беспокойные тени на забитые книгами полки. В этом тусклом свете было заметно тело человека, распластавшегося за письменным столом черного дерева. Мужчина уткнулся лицом в страницы рукописи романа; теплая вязкая жидкость растекалась по одежде и по полированной поверхности, на которой виднелись осколки хрусталя и капли янтарной жидкости. Перьевая ручка «Паркер», лежащая неподалеку от старомодной трубки, из которой тянулась струйка дыма, казалась частью сценической декорации, устроенной с жутким старанием. Запахи чернил, крепкого спиртного и табака смешивались с более резким запахом крови.

За спиной писателя темнела нависшая тень. В качающемся полумраке убийца взирал на дело своих рук с естественным спокойствием: так смотрит художник на едва заверченный рисунок с еще не высохшей краской. Затем он внезапно оживился, словно очнувшись ото сна. Двигаясь с хирургической точностью, он схватил кисть убитого и окунул его безвольные пальцы в еще теплую

кровь. Как пером, этой рукой он зачеркнул на последней странице рукописи последнюю фразу, которая гласила: «Ничего нельзя было поделаться, только... умереть. Легкий дождь окропил его, став для него последним помазанием».

Кровь медленно стекала, заходя за черту и пропитывая лист. Медленным выверенным движением убийца написал указательным пальцем покойного:

КОНЕЦ.

Алые капли стекали с пальцев на страницу в звенящей тишине. Дрожащий свет с жестокой настойчивостью падал на кровавые буквы, делая всю сцену еще более зловещей.

Все действие, казалось, было проникнуто жуткой иронией: финал смогли бы понять лишь немногие.

«Идеальное завершение», — прошептал он самодовольно, возвращая «Паркер» в пальцы трупа. Затем с маниакальной аккуратностью подровнял листы рукописи, развернулся и покинул библиотеку, направившись к палубе.

Снаружи ревел ветер, разнося соленый запах моря. Небосвод, недостижимый и равнодушный к только что свершившемуся преступлению, искрился звездами.

Одна за другой улики выскальзывали из рук, скрываясь в глубине волн, как ритуальная дань темным водам: перчатки, парик и маска, на мгновение отразившие свет звезд, исчезли в пенящихся гребнях.

Море, как сообщник, поглотило все до последней нитки. Он улыбнулся. Прислонился к перилам и развернул клубничную карамельку. Шуршание фантика прозвучало как аплодисменты его спектаклю. Он сунул конфету в рот: сладость растворилась в горечи соленого воздуха; он сосал

ее с детской беззаботностью, наслаждаясь мгновением покоя, как будто ничего не произошло.

На цыпочках он вернулся в каюту. Дверь с тихим скрипом открылась и закрылась. Кое-кто ждал его, в сумраке растянувшись на кровати. Не говоря ни слова, убийца приблизился и страстно поцеловал любовницу, ждавшую его с нетерпением. Не было ни тени сомнения, ни чувства вины, как будто преступление стало оконченной главой. Забытой.

Он разделся и скользнул в чистую постель. Прошелестел шепот нескольких слов, некоторых заверений, и мирная тишина окружила их. Спустя несколько минут сон охватил разгоряченные тела.

На палубе тем временем в темноте блеснули два желтых глаза. Потом еще два.

Мисс Марпл и Пуаро, незамеченные зрители всей сцены, на мгновение уставились друг на друга. Их силуэты были столь же черны, как и сам грех, которому они стали свидетелями, а шерстка — столь же блестящей, как их проницательность.

Их взгляды вернулись к месту, где убийца избавился от своих жутких орудий. Его запах еще витал в воздухе.

В один прыжок кошки растворились в звездной ночи, предоставив бурному морю хранить эту зловещую тайну.